Ближневосточная ловушка для Байдена

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

На Ближнем Востоке начинает закручиваться новый виток эскалационной спирали, в который уже напрямую вовлечены США и Иран. Держать процесс под контролем становится все сложнее, даже несмотря на то, что и американское, и иранское руководство не заинтересовано в большой войне.

Содержание

1 Республиканцы требуют жесткости
2 Никто не хочет эскалации, но...
3 Ближний Восток в сетях прокси-конфронтации
4 Что хочется и что можется

28 января новостные ленты ведущих мировых СМИ стали полниться экстренными сообщениями о гибели трех военнослужащих США в результате атаки дрона на американскую военную базу на северо-востоке Иордании, на границе с Сирией и Ираком. Еще минимум 34 человека получили ранения.

Американские базы в регионе подвергаются регулярным атакам после начала войны между Израилем и ХАМАС. Так, по данным Пентагона, за последние три месяца было зафиксировано 165 нападений на военные объекты США в Сирии и Ираке. Также йеменские хуситы производят уже ставшие рутинными обстрелы кораблей, в том числе американских, в Красном море. Например, 29 января они запустили ракету по судну ВМС США в Аденском заливе. Однако удар по базе в Иордании привел к первым с момента дестабилизации региона в октябре 2023 года жертвам среди американских военнослужащих в результате целенаправленной атаки.

Республиканцы требуют жесткости

В администрации Джозефа Байдена сразу же заявили, что за нападением стояли военизированные формирования, поддерживаемые Ираном. Позже ответственность за произошедшее на себя взяло «Исламское сопротивление Ирака». Это одна из вооруженных групп в регионе, которые поддерживаются Тегераном. При этом иранские власти оперативно выступили с опровержением своей причастности. Официальный представитель МИД страны заявил, что группы «регионального сопротивления» действуют автономно, не подчиняясь Ирану. Он также подчеркнул, что Тегеран не хочет эскалации напряженности или еще одной войны на Ближнем Востоке.

Показательно, что и высшее военное руководство США убеждено в отсутствии у Ирана интереса провоцировать большую войну с Вашингтоном. Однако эта оценка американских спецслужб и Пентагона резко контрастирует с политическим и медийным дискурсом в США, где доминируют призывы к администрации Байдена ответить на атаки военными средствами. Ожидаемо наиболее жесткой реакции, в том числе прямых ударов по территории Ирана, стали требовать республиканские законодатели.

Байден сразу заявил, что реакция обязательно будет: «Даже не сомневайтесь – ответственные за произошедшее понесут наказание в то время и тем способом, которые мы посчитаем подходящими». При этом в Вашингтоне также подчеркивают, что не ищут эскалации конфликта на Ближнем Востоке и, в частности, хотели бы избежать войны с Ираном.

Таким образом, администрация США столкнулась с понятной, но крайне сложной дилеммой.

> Каким образом отреагировать на произошедшее, чтобы внутриполитические оппоненты не обвинили претендующего на еще один президентский срок Байдена в слабости, а также чтобы предотвратить новые подобные атаки на американские военные объекты, но при этом и не спровоцировать расширение конфликта?

Можно согласиться с мнением комментаторов, называющих эту ситуацию настоящей ловушкой для действующего главы Белого дома.

Никто не хочет эскалации, но...

В Вашингтоне на различных уровнях идет анализ всех «за» и «против» возможных сценариев реагирования. Оптимального варианта нет. Любые опции сопряжены со множеством рисков в области безопасности и издержками в набирающей электоральные обороты внутриполитической борьбе Байдена и Трампа. То есть ставки очень высоки. Особенно с учетом зашкаливающей неопределенности в международных делах и крайне низких рейтингов одобрения действующего президента США.

К слову, интересно, что в этой ситуации возникают некоторые параллели с мини-кризисом в отношениях с Ираном, с которым в январе 2019 года столкнулся президент Трамп. Тогда напряженность между Вашингтоном и Тегераном резко обострилась из-за сбитого иранскими средствами ПВО дорогостоящего американского дрона-разведчика. Иран утверждал, что дрон залетел в его воздушное пространство, а США настаивали, что он находился в нейтральном международном пространстве. В итоге Трамп вначале приказал подготовить атаку по трем военным целям Ирана, а затем в последний момент отменил свое решение, сославшись на желание избежать больших человеческих жертв. При этом Трамп не стеснялся повторять, что, мол, еще одно подобное действие со стороны Тегерана – и Иран столкнется с такими разрушительными последствиями, «которых еще никогда не видел».

Политический резонанс и значение того кризиса, очевидно, были меньше, так как он не был сопряжен с гибелью американских граждан. Да и международный контекст кризиса-2019 сильно отличался от раскладов сегодня, как на Ближнем Востоке, так и в целом в международных отношениях. Однако нет никаких сомнений, что Трамп и его команда будут по полной использовать этот сюжет против Байдена. Тем более, что его действительно легко вывернуть в любую выгодную республиканцам сторону. Можно говорить в целом о жесткой линии Трампа в отношении Ирана, противопоставляя ее многочисленным попыткам демократов (в том числе в годы вице-президентства Байдена) заключить с Тегераном соглашение. А можно делать акцент на мудром решении Трампа, позволившем избежать ненужной эскалации.

С учетом всего этого будет особенно интересно наблюдать за тем, какие решения в итоге примет администрация Байдена и как эти решения будут представлены различным целевым аудиториям внутри США и за их пределами. По информации Politico, Пентагон предлагает варианты ударов по военно-морской инфраструктуре Ирана в Персидском заливе или по иранским военным в Сирии и

Ираке. Вопрос, разумеется, не только в целях, но и в способе осуществления атаки, а также в непубличной коммуникации по закрытым каналам (или ее отсутствии) с иранцами.

Все можно сделать таким образом, чтобы здесь и сейчас ответ США выглядел весомо в глазах хотя бы части американских избирателей и элит, но при этом не переходил «красные линии» Тегерана и, соответственно, не провоцировал дальнейшее быстрое раскручивание спирали эскалации.

> Судя по некоторым прямым и косвенным признакам, все эти месяцы конфиденциальные каналы коммуникации между Вашингтоном и Тегераном работали достаточно эффективно и позволяли им оставаться во взаимоприемлемых рамках публичной конфронтации.

В идеальном раскладе ни одни, ни другие действительно не хотели бы разрастания ближневосточной нестабильности в большую войну с их непосредственным участием. Такая эскалация повлекла бы, как минимум, огромные разрушения, человеческие жертвы и глобального масштаба экономические потрясения. Но это в идеальном раскладе, которого в реальности достичь все труднее. Во-первых, из-за обрисованных выше сложносплетений геополитических и электоральных факторов на американской стороне. Во-вторых, из-за стремительно падающей способности великих держав и региональных лидеров держать эскалационные риски под контролем.

Ближний Восток в сетях прокси-конфронтации

Тем более, что региональная эскалация на Ближнем Востоке – это материализующийся на наших глазах факт, который и за пределами региона чувствуется уже не только по сообщениям СМИ. Недавняя серия ударов США и Великобритании по Йемену в ответ на действия хуситов в Красном море, которые наносят значительный ущерб морской логистике в мировых масштабах, это самый резонансный, но едва ли последний сюжет.

Все это – региональное отражение более масштабного процесса перехода системы международных отношений в новое качество. Процесс сопровождается почти повсеместным обострением ранее существовавших конфликтов и появлением новых точек военно-политического противостояния. К тому же, и старые, и новые региональные конфликты, помимо своей собственной специфики, неизбежно приобретают и прокси-измерение. В большинстве конфликтов сторонние крупные

государства начинают видеть не только непосредственных участников и их противоречия, но и интересы других больших государств, своих геополитических конкурентов. И стремятся использовать эти конфликты, чтобы нанести им ущерб.

> Поэтому в период повышенной неопределенности по поводу будущего международной системы все больше региональных или локальных конфликтов становятся прокси-ареной для противостояния больших государств.

Даже если еще несколько лет назад эти государства не обращали внимания на такие конфликты или вообще сотрудничали между собой для их совместного урегулирования.

Эти процессы не ограничиваются сегодня Ближним Востоком, они актуальны для всей планеты. Различные конфликты начинают все больше переплетаться между собой, образуя своего рода глобальную сеть прокси-противостояния. Например, несложно увидеть множественные связи между ближневосточной динамикой и войной в Украине. Из-за этих усиливающихся связей урегулировать каждый отдельно взятый конфликт становится все сложнее.

Это возвращает нас к вопросу о том, насколько долго США и Иран могут держать эскалационные риски под контролем. Логика прокси-противостояния навязывает свои сценарии, даже если они противоречат интересам основных акторов. В частности, интересу Вашингтона и Тегерана предотвратить дальнейшую эскалацию. Во всей этой прокси-неразберихе возникает слишком много действующих лиц – региональных и внерегиональных, государственных и негосударственных, – которые с энтузиазмом используют возможности эскалации в своих интересах. Их действия могут сильно искажать намерения основных акторов и ломать их изначальные сценарии.

Что хочется и что можется

Резюмируя, вернемся к американским дискуссиям после атаки дрона на базу в Иордании. Там в медиа по понятным причинам доминируют сторонники жесткого подхода. Они сводят суть геополитической дилеммы, стоящей перед Вашингтоном, к двум простым опциям. Первая – ответить жестко и решительно, несмотря на существенные риски эскалации, чтобы ясно продемонстрировать, кто в доме хозяин. Вторая – сделать минимизацию рисков эскалации приоритетом, демонстрируя при этом слабость и тем самым лишь стимулируя провокационное поведение противников в дальнейшем.

Пожалуй, еще 10 или даже 5 лет назад такая упрощенная постановка вопроса действительно соответствовала бы реальному положению дел. Однако сегодня, когда «однополярный момент» уходит в историю и появляется все больше желающих поставить под сомнение объективные возможности США, ситуация выглядит уже иначе.

> Поэтому попытки показать, что вы хозяин в доме, хотя в действительности уже таковым не являетесь, сопряжены с еще большими рисками и опасностями.

В этом и заключается самая судьбоносная дилемма, с которой в такой неподходящий момент столкнулся президент Байден.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»